

Est.1994

JCL

Journal of the College of Languages
An Open Free Access, Peer Reviewed Research Journal
<https://jcolang.uobaghdad.edu.iq>

P-ISSN: 2074-9279
E-ISSN: 2520-3517
2024, No.(49)
PP. 113-134

PERSPECTIVE METHODS AND DIRECTIONS IN STUDYING THE LANGUAGE OF RUSSIAN FOLKLORE

¹Ammar Odeh Jwair, ²Irina Sergeevna Klimas, ³Sergei Pavlovich
Pravednikov

¹University of Baghdad, College of Languages, Department of Russian
Language. Baghdad, Iraq

^{2,3}Kursk State University, Department of Russian Language, Russia

Corresponding author: ammar.2011@colang.uobaghdad.edu.iq

(Received on 12/9/2023 - Accepted on 2/11/2023 - Published on 2/1/2024)

DOI: <https://doi.org/10.36586/jcl.2.2024.0.49.0113>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Abstract

The paper deals with the language of Russian folklore. Folklore is a unique sphere of existence of the language, the most vivid expression of the national mentality. The folklore word embodied the perception and evaluation of the surrounding world. "What did the word in general mean for the life of the people? The word was equated ... with life itself. The word generated and explained life, it was ... the keeper of memory and the guarantee of the infinity of the future. The folklore text is studied by literary critics, ethnographers, historians, culturologists, and art historians. In the twentieth century, a new science emerged - linguo-folkloristics, the goals and objectives of which were formulated by A.T. Khrolenko only in the seventies. Some of the most frequently used words in folklore texts among other words such as "friend" were analyzed. It has been proven that some vocabulary spreads in one region over another, depending on the geographical and climatic environment.

Key words: folklore, linguo-folkloristics, epic, folk lyrics.

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ МЕТОДИКИ И НАПРАВЛЕНИЯ В ИЗУЧЕНИИ ЯЗЫКА РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА

В работе рассматривается язык русского фольклора. Фольклор – это уникальная сфера существования языка, наиболее яркое выражение национальной ментальности. В фольклорном слове воплотились восприятие и оценка окружающего мира. «Что значило для народной жизни слово вообще? Слово приравнивалось... к самой жизни. Слово порождало и объясняло жизнь, оно было... хранителем памяти и залогом бесконечности будущего». Фольклорный текст исследуется литературоведами, этнографами, историками, культурологами, искусствоведами. В XX веке сложилась новая наука – лингвофольклористика, цели и задачи которой были сформулированы А.Т. Хроленко только в семидесятые годы.

Ключевые слова: фольклор, лингвофольклористика, былинный эпос, народная лирика.

I

Фольклор – это уникальная сфера существования языка, наиболее яркое выражение национальной ментальности. В фольклорном слове воплотились восприятие и оценка окружающего мира. «Что значило для народной жизни слово вообще? Слово приравнивалось... к самой жизни. Слово порождало и объясняло жизнь, оно было... хранителем памяти и залогом бесконечности будущего», – рассуждает писатель Василий Белов (Белов, 1984, р. 246).

Фольклорный текст исследуется литературоведами, этнографами, историками, культурологами, искусствоведами. В XX веке сложилась новая наука – лингвофольклористика, цели и задачи которой были сформулированы А.Т. Хроленко только в семидесятые годы (Хроленко 1974). Доказано, что язык фольклора представляет собой особую систему, которая за пределами произведений устной

народной поэзии не встречается (Оссовецкий, 1975, p.70). Языковые единицы не могут рассматриваться вне фольклорной традиции, они употребляются в комплексе как специфические изобразительно-выразительные средства (Артеменко, 2001). Соответственно, для анализа языка устного народного творчества должны быть выработаны особые методики научного поиска (Бобунова, 2003).

В изучении фольклорного текста главным является антропоцентрический подход, связанный с понятием языковой личности, языковой картины мира. Осознание лингвистической модели мира позволяет зафиксировать приоритеты национальной ментальности, т.е. своеобразное членение окружающей действительности в сознании носителя фольклорной традиции.

В былинных текстах появляется множество предметов обихода, которые сами по себе не используются для измерения или обозначения стоимости, но в конкретных условиях принимают эти вспомогательные функции. Некоторые слова нуждаются в разъяснении. Мы можем воспользоваться словарем русских народных говоров. (Джувейр, 2003).

Думается, что анализ фольклорной языковой модели мира, отражающийся как в лексическом составе устного народного творчества, так и в специфических связях и отношениях между единицами текста, возможен на уровне всего лексикона, определенных тематических или лексико-семантических объединений (кластеров) и на уровне отдельных концептов и их лексической репрезентации. Указанным уровням соответствуют оригинальные лингвокультурологические методики, разработанные учеными курской научной школы лингвофольклористики под руководством проф. А.Т. Хроленко. Эти методики представляют собой комплекс, их целесообразно применять к исследованию фольклорного текста в определенной последовательности.

На первом этапе анализа используется методика доминантного анализа, которая предполагает «выявление, изучение и описание наиболее частотных слов в аспекте языковой картины мира» (Бобунова, 2003, p. 130). Выделив самые употребительные единицы, можно установить доминанты языковой картины мира. Курскими исследователями были составлены словники (перечень всех лексем текста) нескольких десятков сборников классических фольклорных

произведений, главным образом былин и необрядовых лирических песен, а также народных сказок, баллад, исторических песен и некоторых других жанров. На основе словарей созданы частотные словари, в которых лексические единицы сгруппированы с учетом убывания частотности: от наиболее употребительных в тексте до единичных. Верхняя часть списка – это так называемые ядерные лексемы.

Выделение ядра лексикона согласуется с принципом органической двухслойности лексики, выдвинутым А.Т. Хроленко: «Есть основания утверждать, что язык устной народной поэзии как минимум двухслоен. Один слой, количественно ограниченный и интуитивно известный всем носителям устного народного творчества, – это совокупность так называемых *«опорных», «ключевых» слов*, устойчивых сочетаний и структурных моделей, из которых строится текст. Второй слой – это все остальные слова, используемые в фольклорном тексте. Оба слоя связаны друг с другом фольклорной картиной мира, его концептами и парадигматикой народно-песенного слова» (Хроленко, 2010, р. 121).

Доминантный анализ продемонстрировал наличие общефольклорного фонда самой частотной лексики в разных словарях, не зависящего ни от жанра произведений, ни от места и времени их записи. Однако несомненна и жанровая специфика в составе лексического ядра, проявляющаяся в предпочтительности употребления тех или иных лексем, тематических групп и даже отдельных частей речи (числительных в былинах). Состав ключевых слов в устной народной поэзии обладает определенной системностью, так как отражает базовые концепты фольклорной языковой модели мира как образного переосмысления действительности.

Например, сопоставление высокоупотребительных названий растений продемонстрировало жанровые различия былинного эпоса и народной лирики. Общих наименований, частотных и в обоих жанрах, не зафиксировано. В песнях набор фитонимов гораздо более разнообразен: *трава, цветок, калина, хмель, куст, мак, верба*, причем употребление частотных лексем достаточно стабильно: *трава, цветок, калина* встречаются в нескольких словарях. Для былин жанрово обусловленным можно признать только использование

существительного *дуб*; на границе ядерной лексики в одном из сравниваемых эпических словарей находятся слова *дерево* и *камышник*.

Частотные названия животных и птиц есть и в былине, и в лирической песне. Общими для обоих жанров являются зоонимы *конь* и *сокол*. Возможно, универсальность существительного *конь*, как и частотность лексемы *сокол*, в эпосе и лирике объясняется разными причинами: в былине они заведомо функциональны, в народной песне – символичны. Можно отметить те наименования, которые частотны в нескольких словарях или имеют высокий индекс. В былине это *лебедь* – объект сравнения, вещей *ворон*, *змея* – антагонист былинного героя и *собака* как экспрессивное определение врага-иноземца; в лирике *соловей* – общепесенный символический образ.

Продуктивна для исследования фольклорного текста и методика кластерного анализа, который используется вслед за доминантным. В основе методики лежит представление о структуре картины мира: каждый фрагмент картины мира репрезентируется определённой совокупностью лексем разной частеречной принадлежности (кластером). «Кластерный анализ – это лексикографическое описание всех входящих в кластер лексем с параллельным установлением всех связей каждого слова с остальными словами, представляющими один и тот же фрагмент картины мира» (Бобунова, 2003, р. 130).

Курские лингвофольклористы на широком материале проанализировали кластеры «Небо», «Одежда» и «Пища» в разных собраниях устно-поэтических произведений. Так, в формировании кластера «Пища» были отмечены некоторые явные тенденции. Сравнение русских и английских народных песен показало, что в русской устной поэзии кластер представлен значительно большим количеством наименований благодаря богатейшим словообразовательным ресурсам, отражающим разнообразные нюансы значений или служащим для выразительности фольклорной речи (*запить*, *наивать*, *приниповать*, *распить*, *упить*, *напоёмши*, *напувать* и под.). Некоторые концепты характерны исключительно для русского национального сознания («пир», «угощение»), национально своеобразны и состав отдельных субкластеров

(«Готовые блюда», «Хлеб, изделия из хлеба, зерна»). Наблюдается динамическая тенденция уменьшения состава гнезд однокоренных слов, называющих соответственное понятие, в фольклоре XX в. (белгородские песни). В более поздних записях отсутствуют некоторые лексемы, имеющие в словарях русского языка помету «устар.», например, в современных белгородских песнях не отмечены слова *сыта*, *кушать* ‘пить’, *курить* ‘добывать посредством перегонки’ (Климас, 2001, р. 23).

Следующей ступенью в изучении специфики фольклорного текста является методика сжатия конкорданса, которая предполагает учёт абсолютно всех употреблений анализируемого слова в пределах определённого корпуса текстов. Сжать конкорданс можно, оставив самые важные, актуальные для данного текста связи описываемого слова с другими словами этого текста (текстов) (Бобунова, 2003, р. 131). В результате получается словарная статья – своего рода концептограмма, отражающая все существенные связи и отношения определённого концепта с другими концептами.

Исследователи курской школы лингвофольклористики разработали структуру словарной статьи для словаря языка русского фольклора. Примеры словарных статей можно увидеть в «Словаре языка русского фольклора» (Бобунова, 2000). Словарная статья даёт полное представление о стоящем за словом понятии и его месте в фольклорной картине мира, проливает дополнительный свет на семантику анализируемого слова. Это делает возможной исчерпывающую характеристику анализируемого концепта. Вот, например, фрагмент описания концепта «друг» в русском фольклоре (Климас, 2004).

«Друг» – одно из самых важных понятий для русской ментальности. По данным «Частотного словаря русского языка» под ред. Засориной, среди 1 миллиона словоупотреблений на долю слова *друг* приходится 817, тогда как частотность слова *friend* в сопоставимом корпусе для американского английского языка равна 298 (Вежбицкая, 2001, р. 108). А. Вежбицкая отмечает, что «*друг*» – это кто-то очень близкий для нас, гораздо ближе, нежели *friend* в английском (Там же: 107); ключевыми элементами русского концепта «друг» являются интенсивное и душевное личное общение и готовность помогать (Там же: 112).

В русском фольклоре слово *друг* имеет несколько иные значения, чем в современном языке.

Например, в былинах мы практически не встретим изолированного употребления слова *друг*, но всегда в сочетаниях *друг друга*, *друг за друга*, *друг с другом*, *друг дружки*, *друг на дружку*, *друг от дружки*, *друг у дружки*. По сути дела, здесь явно «прочитывается» этимология слова: *друг* – первоначально краткая форма прилагательного *другой* «второй». По мнению В.В. Колесова, *друг* – «другое я», т.е. «друг всегда понимается в отношении к другому, к равной себе паре» (Колесов, 1986, р. 53). Вот это «равенство» ясно демонстрируется контекстами: чаще всего подобные сочетания встречаются при описании битвы одинаковых по силе партнеров, причем они могут являться как соратниками (Добрыня и Илья Муромец, Добрыня и Дунай, Илья Муромец и сын), так и противниками (Илья Муромец и разбойники, Добрыня, Алеша и татарин).

Они съехались скоро друг с другом;

Они друг друга крепко ударили;

Сабли острые у них поломались.

И друг друга они не ранили (Беломорье).

Итак, богатырю, воплощению силы и мощи Земли русской, пристало драться только с достойным соперником. Выражение *не ранили друг друга* становится формулой с идеей равной силы богатырей. Но уже в границах сочетания *друг друга* возникает и развивается значение духовного родства, взаимопомощи, о чем свидетельствует соотнесенность со словами *помогать*, *брат*.

При каком не будем мы при горюшке,

Уж мы будем друг дружке помогать (Беломорье);

Приставать мы будем друг за друга,

Друг за друга, за брата крестового (Беломорье).

Друг в фольклорной лирике также имеет специализированное значение: это любимый человек, участник «пары» не военной, но любовной. В абсолютном большинстве случаев употребляется форма *дружок* (реже – *дружочек*) в сочетании с характерными определениями *милый*, *сердечный*, *любезный*, *задушевный* и собственными именами, как мужскими – *Иван* (*Ваня*), *Василий*, *Григорий*, *Петр*, *Ермил*, так и женскими – *Марья*, *Дарья*, *Елена*. *Друг*

в народных песнях имеет явную положительную коннотацию, на что указывает соотнесенность в горизонтальном и вертикальном контексте со словами *ладушка, обрадушка, орел сизокрылый, соколочек, добрый молодец, надежда, сердце, душа, радость, голубочек, ластушка*.

С милым другом связаны все перипетии любовного чувства: он может *сохнуть* по девушке, *любить, тужить, хотеть жениться, обещаться, сердчать, хотеть покинуть, отступить, уйти*; его же можно *вспоминать, (не) ждать, мануть, провожать, повидать, послать* ему письмо, *идти замуж* за друга, *разобраться, расставаться, распрощаться* с ним и т.п.

Интересно, что песенный «друг», даже при наличии собственного имени, почти не имеет индивидуальных черт – это обобщенный образ с обобщенными характеристиками типа *хорош* и *пригож, веселешенек*, указания на портретные особенности, например, *чернобровый* – единичны. Н.И. Кравцов считает образы героев народной лирической песни статизированными, достаточно абстрактными. У них почти нет портретных деталей – только эмоциональное впечатление (Кравцов, 1974, pp. 74-76). Милый друг считается обязательным «атрибутом» песенной героини – молодой девушки, без него она горюет.

Ох, что ж это за пташка за тварь:

Всякая себе друга нажила!

Я, молода, не могу друга нажить! (Соболевский).

Когда любовь кончается, бывший любимый перестает называться другом:

Здравствуй, милая красотка!

Я дружочек да не твой:

Я женился на другой (Халанский).

«Друг» может быть и у молодой замужней женщины, в таком случае он противопоставлен нелюбимому «старому мужу» – реально или виртуально. Поэтому иногда с образом милого друга связывается представление о запретной любви.

Образ друга = любимого связан с идеализированными представлениями о вольной и счастливой жизни до замужества в родительском доме, о родной стороне, игре и забавах.

Ты, злодейка, чужая дальняя сторона,

Разлучила ты с отцом, с матерью меня,

Во-вторых, разлучила с любезным дружком! (Соболевский).

Слово *друг* нередко используется как обращение. В таких случаях девушка призывает друга *прийти, побывать* в гостях, *воротиться* с дороги, не *жениться* на другой, жалуется, что по нему *изныло сердце, постелька холодна* и т.п. Интересно, что слово *друг* в качестве обращения может быть отнесено не только к любимому молодому человеку, но и к мужу (воспринимаемому как положительно, так и отрицательно), а также – в мужских песнях – к любимой девушке или жене. Обращение *друг* к члену «пары» становится настолько устойчивым, что превращается в своего рода «окаменевший эпитет» – явление, отмеченное в фольклоре еще академиком А.Н. Веселовским.

О том, что *другом* в фольклорной лирике называют и негативно оцениваемого персонажа, свидетельствуют редко употребляющиеся определения *постылый* и *немилый*. Можно предположить, что одним из путей «присвоения» их словом *друг* являются процессы «перетягивания» или «стяжения» эпитетов, описанные А.Т. Хроленко (Хроленко, 1981, pp. 50- 52).

Отдадут молоду За немилаго дружка,

За немилаго дружка, За постылого женишка (Соболевский).

Слово *друг* в народных песнях – это преимущественно «единичный», а не «коллективный» образ: существительное редко встречается в форме множественного числа. Употребляясь в данной форме, оно меняет свою семантику и становится названием не «любимого», а «соратника», связанного с лирическим героем общими интересами, делами, условиями жизни; по мнению В.В. Колесова, в древнерусских текстах отразилось такое понимание дружбы, как «отношения равенства и взаимной поддержки» (Колесов, 1986, p. 53). Не случайно множественное число существительного *друг* встречается чаще всего в сочетаниях со словами *братья, товарищи, приятели, соседи*.

Все друзья-приятели не придут ко мне (Соболевский);

Друзья-братья женятся

А я неженатый хожу (Соболевский).

Песенный *друг* = ‘товарищ’ – это советчик, посредник в любовных отношениях, образец для подражания, его часто посылают

с письмом к любимому человеку или просят передать поклон на родную сторонку.

Чёткая и единообразная структура каждой словарной статьи обеспечивает корректное сопоставление лексем (и концептов, стоящих за ними) методом наложения, своеобразной аппликации словарных статей. Эта методика даёт надёжный материал для теоретических размышлений об инвариантном и специфическом в слове. Она чрезвычайно полезна при проведении кросскультурных исследований, изучения региональных и хронологических особенностей языка, при описании своеобразия сказительского идиолекта (Бобунова, 2003, р. 131).

I

Региональность традиционной русской материальной культуры ни у кого не вызывает сомнения. На отличия бытового характера неоднократно указывали этнографы и культурологи. Пространственная дифференциация наблюдается при исследовании всего русского фольклора, особенно при обращении к языку произведений устного народного творчества.

Первые заметки, связанные с территориальной спецификой устнопоэтической речи, были сделаны собирателями. Так, Н.Е. Ончуков во вступительной статье к «Печорским былинам» предлагал разделить все былины, записанные на Низовой Печоре, на старины усть-цилемские и пустозерские, мотивируя это тем, что «одни и те же былины поются в той и другой волости различно, и это относится иногда к былинам распространеннейшим» (Ончуков, 1904, pp. XI–XIII). Далее фольклорист замечает, что некоторые былины известны только в том или ином регионе. Эти различия связаны с тем, кто заселял эти земли. Усть-Цильма основана новгородцами, сюда переселялись крестьяне Мезени, Пинеги, Двины. Пустозерск основан военными людьми, сюда отправлялись в ссылку многие образованные люди, их потомки смешивались с местным населением. Причиной различий становилась и вражда соседей из-за рыбных угодий, и большая образованность основной массы населения: «речь пижемцев более литературна (в Пижме был скит, где были книги)» (Там же: XIV–XIX).

Современные лингвофольклористы считают фольклор особым синтетическим видом искусства, представляя его в виде уникальной художественной системы. Во многом такая оценка возможна благодаря богатейшему языковому наполнению этой системы. «Идейно-образное содержание традиционного фольклора реализуется в его языке, который представляет собой особую систему, имеющую очень сложный генезис» (Оссовецкий, 1977, р. 137).

Известны попытки рассматривать язык фольклора как явление диалектное или наддиалектное. Обе точки зрения популярны и имеют весьма авторитетную поддержку. Однако в современных исследованиях язык фольклора трактуется как более сложное явление, при определении которого необходимо учитывать множество разноплановых характеристик. Многие в фольклорной культуре обусловлены «региональными и локальными факторами социоэтнического характера» (Путилов, 2003, р. 157). Развивая эту мысль, Б.Н. Путилов пишет: «Фольклор в его конкретных материальных выражениях, в живой функциональной плоти, в реальных “единицах” текстов существует только как региональный / локальный. Понятие общенародного обретает реальность на уровне отношений между региональными / локальными традициями... Региональные / локальные явления фольклора справедливо рассматривать как конкретные воплощения и вариации общенародного» (Там же: 158–159). Известный фольклорист уверен: «Трудность региональных исследований не в отыскании некоей доминанты, чего-то необычного, выпадающего из привычного набора признаков (хотя и на эту сторону должно быть обращено самое пристальное внимание), а в анализе специфики “общеизвестного” и широко распространенного» (Там же: 163).

Диалектное расслоение, в основе которого лежит пространственный фактор, представляется на первый взгляд наиболее удобной матрицей для лингвофольклористической дифференциации. Однако следует помнить, что между бытовым и фольклорными диалектами существуют определенные различия, основанные на том, что жизненные функции фольклора многообразнее и шире бытовых функций. «Бытовой диалект определяется через факт наличия, а фольклорный – через факт

актуализации некоего количества языковых единиц» (Бобунова, 2003, р. 288). Язык устной народной поэзии принципиально двуслоен: «Один слой, количественно ограниченный, – это совокупность так называемых “опорных”, “ключевых” слов, устойчивых сочетаний и структурных моделей, из которых строится текст. Второй слой – это все остальные слова, используемые в фольклорном тексте» (Хроленко, 1994, pp. 114–115). Оба слоя органически связаны друг с другом, они не существуют по отдельности, фундаментом этого конгломерата служит фольклорная картина мира. Связь между единицами этих слоев осуществляется на уровне концептов и обусловлена спецификой парадигматических отношений народно-поэтического слова (Бобунова, 2005, р. 274).

Эвристические возможности фольклорной диалектологии представлены в достаточно внушительном количестве научных публикаций курских исследователей (см., напр.: (Бобунова, 2001; Праведников, 2010)), которыми были разработаны оригинальные методики, прошедшие апробацию в процессе работы над словарем языка русского фольклора. Обязательно учитывался тот факт, что языковые различия, связанные пространством, могут быть локальными и региональными. Локальное несходство обнаруживается при сопоставлении материала, сбор которого осуществлялся на сравнительно близко расположенных друг от друга территориях (например, районы одной области). О различиях регионального характера речь ведется при рассмотрении территорий, удаленных друг от друга на значительное расстояние (например, северные регионы России и Сибирь). Принято говорить о двух методиках обнаружения территориальных особенностей: локальные различия в языке фольклора выявляются с помощью микрогеографии, региональные – с помощью методики макрогеографии. В первом случае обнаруживаются фольклорные «говоры» и «диалекты», во втором – фольклорные «наречия».

Для того чтобы выявить «фольклорные диалекты» локального и регионального масштаба, остановимся на именах артефактов и проведем сравнение части лексики, входящей в кластер «Одежда». Сопоставление проведем, опираясь на записи эпических текстов, сделанные на берегах Печоры (Печора, 1904), на побережье Белого моря (Беломорье, 1901) и Сибири (Сибирь, 1991).

Несомненный интерес представляет лексика, обозначающая былинные головные уборы. Сибирская традиция представлена пятью лексемами, среди которых наряду с распространенными повсеместно *колпаком* и *шапкой* (а также весьма употребительной *шляпой*) отмечены зафиксированные только в зауральских записях *белоеловка* ('высокая шляпа из белого войлока' (Сибирь, 1991, р. 476)) и *черномуровка* ('изготовленная в Муроме шляпа из черного войлока' (Сибирь, 1991, р.481)). В текстах беломорских былин присутствуют *колпак*, *шапка*, *шляпа* (причем существительное *шляпа*, так же, как и в сибирских записях, занимает по частоте употребления достаточно высокое положение, тогда как печорская традиция со *шляпой* не знакома вовсе). Употребление слов *шапка*, *колпак* казуально. *Шапка* единично отмечена в сочетании со словом *мурванка* (по объяснению собирателя А.В. Маркова – 'мурмолка, черная шляпа' (Беломорье, 1901, р. 570)), а существительное *колпак* использовано только в составе имени собственного богатыря-участника Камского побоища – Рошша Расшиби колпак¹. Некоторая скудость в использовании слов, называющих мужские головные уборы, компенсируется перечнем женских аксессуаров: платок, повязка, шаль, ширинка.

Повязка – 'девичий головной убор: спереди походит на прямой кокошник, но не покрыт, и ленты (завязки) пущены по косе' (Даль: 3: 388). Ширинка – 'плат, платок' (Даль: 4: 1438).

Все указанные слова отмечаются только в записях, сделанных на беломорском побережье от исполнительниц-женщин.

В былинах Печоры фигурируют два существительных, обозначающих головные уборы. Это *колпак* и *шапка*, которые достаточно активно используются в структуре эпической песни.

¹ Такая же ситуация наблюдается и в кулойских текстах. При составлении списка богатырей-участников предстоящего сражения один персонаж дает указание другому:

*Ииша тиши Рошшу-Рошиби колпак,
Рошиби колпак-Рошшу со племянником*
(Кулой, №303)

Головные уборы в произведениях эпоса преимущественно выполняют две функции, являясь или средством защиты человека от жары и холода (и одновременно украшением), или оружием. Ср.:

*Да ставал стар-казак утром ранешинько,
Надевал он сапожки да на босу ногу,
Свою кунью-ту шубу на одно плече,
Свой пухов-де **калпак** да на одно ухо*
(Печора, №6)

*Скиновал он своё платье да богатырьскоё,
Ище клал тут он платьицо пот сырой дуп,
Оставлял на буйной главы пухоф **колпак***
(Мезень, №104)

*Даю тебе три слуги верныя, благоверныя:
Первую слугу – пуховой **коўпак**,
Вторую слугу – саблю вострую,
Третью слугу – жальце булатное*
(Сибирь, №11)

*Сидела змея на девети дубах, —
Нецим Добрыни боронитисе:
Он наклал уш во свой **колпак** пуховой-от,
И наклал он песку-хрешишу сыпуцёго,
Бросил змеи-то во черны груди*
(Кулой, №301)

Своеобразие кулойской традиции проявляется и в том, что существительное *колпак* входит в состав устойчивого сочетания, тогда как в других местах такая особенность не отмечена.

*«Ииша посылат иише да всё Владимир-княсь,
Ииша звать Вас за тот жа за пир весёлою:
Ииша не пьетьсе, не ессе – без Вас пир нейдётъ!»*
*Ииша он им да **колпака** не гнёт*
(Кулой, №217)

Только в былинах кижских певцов Т.Г. Рябинина и К.И. Романова головной убор может выполнять сигнальную функцию:

Стал Вольга тут покрикивати,

*Колпаком Вольга стал помахивати:
«Постой-ка ты, ратай-ратаюшко!»
(Киж, №3)*

или может быть использован в процессе утоления жажды:

*Стала сила пить воды;
И которая сила **колпаком** пьет,
И которая сила **шеломом** пьет,
И которая сила **нападчи** пьет
(Киж, №46)*

Шелом – ‘шлем, военный доспех, кроющий голову’ (Даль: 4: 1419); нападчи, пить нападчи – ‘пить прямо из реки, ведра и т.п., припав ртом к воде. Пить ... нападчи у славян считалось дкрным предзнаменованием’ (СРНГ: 20: 60).

Головной убор может характеризоваться как *пуховый* (повсеместно) или *черный* (в сибирской и беломорской традициях). В тех случаях, где рядом с существительным нет колоративного прилагательного, указание на цвет может содержаться в другом существительном, находящемся рядом (напр., *шляпа черномуровка*). В сибирских текстах отмечен *золотой колпак*, в беломорских – *богатырская, калическая и сорочинская шляпа*, в печорских – *булатная и курчавая шапка*.

Интересно окказиональное употребление выражения *шапочка-курчавочка* в кулойской былине.

*Надевал да бы на sibя да фсё кунью шубу,
На головушку бы надевал **шапоцьку-курчавочку**
(А не дорога, не до<ё>шова – во петьсот рублей;
А кунья-то шуба стоила бы тыщицы!)
(Кулой, №228)*

Шляпа в текстах, записанных П.Н. Рыбниковым, описана с особой яркостью, в результате чего создается чрезвычайно выразительный образ персонажа.

*А у матушки нижняя одежда дорогой камки,
Верхняя одежда золотой парчи,
На головушке **шляпа** из крупного жемчуга,
Спереди положен камень самоцветный
(Киж, №64)*

*На головушке у Дюка сделана **шляпонька**:*

*Спереду так введено красно солнышко,
И сзади введён светел месяц,
А на верховьице шляпы быдто жар горит*
(Киж, №16)

В кижских текстах украшены не только «гражданские» головные уборы, но и предметы военного снаряжения.

*И скоро Хотенка облатился, обкольчужился
И накатывал на головушку злачен **шелом**,
Берет себе палицу булатнюю,
Берет себе копьё вострое
И поехал по городу по Киеву*
(Киж, №45)

Для мезенского сказителя важны другие характеристики головного убора, для него прежде всего значимо, из какого материала изготовлена вещь, насколько она эффективна в бою.

*Выхватывает Настасья да саблю вострую,
Да ударила Дунаюшку в буйну голову,
Как россекла у Дунаюшка стальной **шышак***
(Мезень, №41)

Шышак – ‘шлем, каска с гребнем или с хвостом’ (Даль: 4: 1442).

Существительные *колпак* и *шапка* в печорских былинах в подавляющем большинстве случаев употребляются для обозначения предметов, используемых по своему прямому назначению. Колпак *надевают, накладывают, надергивают* (надернуть – ‘надеть на скорую руку’ (Печора 1904: 408)), *снимают*, сняв, *вешают* и т.п.; шапку *носят, дают, берут*, могут, как и колпак, *признавать* (‘приподымать, подымать не надолго, невысоко, на время, для вынуждения или подложки чего-либо, для поправки’ (Даль: 3: 1081)).

В беломорских былинах головной убор – это, прежде всего, если не конкретное оружие, то обязательный вторичный показатель мощи и стати богатырской (отсюда часты характеристики: *шляпа не малая не великая, в тридцать, сорок, сто или двести пудов*; ее можно *кинуть* во врага, ею можно *стегнуть* и пр.), и в этом они сближаются с сибирскими песнями, где шляпа или колпак служат чаще всего для поражения противника. Головной убор к этому действию подготавливается соответствующим образом: в него

набиваются, нагребаются, насыпаются камни или песок для придания необходимого веса (в сибирской традиции – девяносто пудов):

А на крутой он бережочек выскакиват.

Набирает коўпак со каменьями,

Завязывает киской шоўковой

(Сибирь, №11)

Киска – ‘кисточка, шелковый шнурок’ (Сибирь, 1991, р. 478).

Как видим, своеобразие в использовании языковых средств в былинах наблюдается в основном на уровне синтагматических связей. Специфические черты можно классифицировать как территориальные особенности, способные воссоздать полную картину фольклорной диалектологии.

Список источников и словарей

Беломорье – Беломорские былины, записанные А. Марковым. М., 1901.

Даль – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х томах. М., 1994.

Кижичи – Песни, собранные П.Н. Рыбниковым: в 3-х т. / под ред. Б.Н. Путилова. Петрозаводск: Карелия. Т. I. 1989.

Кулой – Архангельские былины и исторические песни, собранные А.Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа. Т. II. Прага: Чешская Академия Наук, 1939.

Мезень – Архангельские былины и исторические песни, собранные А.Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа. Т. III. СПб.: Издание Императорской АН, 1910.

Печора – Печорские былины, записанные Н. Ончуковым. СПб., 1904.

Сибирь – Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1991.

Соболевский – Великорусские народные песни / изданы профессором А.И. Соболевским: в 7 томах. СПб.: Гос. типография, 1895–1902. Т. II–VII.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. М.; Л (СПб), 1965–2021. Вып. 1–52.

Халанский – Халанский М.Г. Народные говоры Курской губернии: заметки и материалы по диалектологии и народной поэзии Курской губернии. СПб.: Типография Академии наук, 1904.

Библиографический список

Артеменко, Е.Б. (2001). К вопросу о специфике и типологии экспрессивно-языковых средств русского фольклора, *Фольклор и литература: Проблемы изучения*. Воронеж, С. 87–98.

Белов, В.И. (1984). Лад: Очерки о народной эстетике, В.И. Белов *Избранные произведения: В 3-х томах. Т. 3.* М.: Современник, С. 3–326.

Бобунова, М.А., Климас, И.С., Праведников, С.П., Хроленко, А.Т. (2003). Комплекс методик лингвокультурологического анализа, *Фундаментальные исследования в области гуманитарных наук: Конкурс грантов 2000 года.* Екатеринбург, С. 130–132.

Бобунова, М.А., Климас, И.С., Праведников, С.П., Хроленко, А.Т. (2005). Эвристический потенциал лингвофольклористики, *Palaeoslavica: International Journal for the Study of Slavic Medieval Literature, History, Language and Ethnology.* Cambridge, Massachusetts. Vol. XIII, № 1. С. 260–280.

Бобунова, М.А. Праведников, С.П. (1977). Существуют ли «фольклорные диалекты» и возможна ли «фольклорная диалектология»? *Фольклорная диалектология.* Курск: Изд-во Курск. гос. пед. ун-та, Вып. 1. С. 3–10.

Бобунова, М.А., Хроленко А.Т. (2000). *Словарь языка русского фольклора: лексика былинных текстов.* Вып. 1. Курск, 0. 112 с.

Бобунова М.А., Хроленко А.Т. (2003). *Методология выявления «фольклорных диалектов»: Словарь языка фольклора об идиолектной и диалектной дифференцированности былинной лексики, Локальные традиции в народной культуре Русского Севера.* Петрозаводск. С. 288–290.

Вежбицкая, А. (2001). *Понимание культур через посредство ключевых слов.* М.: Языки славянской культуры, 288 с.

Джувейр, А.А. *Синтагматика числительных в Онежском эпосе. Перевод и лингвистика, Ассоциация иракских переводчиков.* С. 211–227.

Климас, И.С. (1977). Изучать опыт, накопленный языком, Alma mater: вестник высшей школы. М., 2004. № 2. С. 50–56.

Климас, И.С. (1977). Кластерный анализ в аспекте проблем лексикологии, Фольклорная лексикография. Курск, 2001. Вып. 18. С.18–23.

Колесов, В.В. (1986). Мир человека в слове Древней Руси. Л.: Издательство ЛГУ, 312 с.

Кравцов, Н.И. (1974). Поэтика русских народных лирических песен. Ч. I. Композиция. М.: Издательство МГУ. 96 с.

Ончуков, Н. (1904). Былинная поэзия на Печоре, Печорские былины, записанные Н. Ончуковым. СПб., С. I–XXXV.

Оссовецкий, И.А. (1977). О языке русского традиционного фольклора, Вопросы языкознания. № 5. С. 66–77.

Оссовецкий, И.А. (1977). Язык современной русской поэзии и традиционный фольклор, Языковые процессы современной русской художественной литературы. Поэзия. М., С. 128–185.

Праведников, С.П. (2010). О территориальной дифференциации устно-поэтической речи (из истории изучения фольклорных диалектов), Известия РАН. Серия литературы и языка. №3. Т. 69. С. 30–36.

Путилов, Б.Н. (2003). Фольклор и народная культура; In memoiam. СПб.: Петербургское востоковедение. 464 с.

Хроленко, А.Т. (2010). Введение в лингвофольклористику: учебное пособие. М.: Флинта: Наука. 192 с.

Хроленко, А.Т. (1981). Поэтическая фразеология русской народной лирической песни. Воронеж: Издательство ВГУ, 163 с.

Хроленко, А.Т. (1994). Словарь языка русского фольклора как инструмент выявления «фольклорных диалектов», Проблемы региональной лексикологии, фразеологии и лексикографии. Орел, 1. С. 114–115.

Хроленко, А.Т. (1974). Что такое лингвофольклористика?, Русская речь. № 1. С. 36–41.

REFERENCES

- Artemenko, E.B. (2001). On the question of the specifics and typology of expressive-linguistic means of Russian folklore, *Folklore and literature: Problems of study*. Voronezh, pp. 87-98.
- Belov, V.I. (1984). *Lad: Essays on folk aesthetics*, V.I. Belov Selected works: In 3 volumes. Vol. 3. M.: Sovremennik, pp. 3-326.
- Bobunova, M.A., Klimas, I.S., Righteous, S.P., Khrolenko, A.T. (2003). Complex of methods of linguoculturological analysis, *Fundamental research in the field of humanities: Grant competition 2000*. Yekaterinburg, pp. 130-132.
- Bobunova, M.A., Klimas, I.S., Righteous, S.P., Khrolenko, A.T. (2005). Heuristic potential of linguofolcloristics, *Palaeoslavica: International Journal for the Study of Slavic Medieval Literature, History, Language and Ethnology*. Cambridge, Massachusetts. Vol. XIII, No. 1. pp. 260-280.
- Bobunova, M.A. Righteous, S.P. (1977). Are there "folklore dialects" and is "folklore dialectology" possible?, *Folklore dialectology*. Kursk: Publishing house of Kursk. state. ped. un-ta, Issue 1. pp. 3-10.
- Bobunova, M.A., Khrolenko A.T. (2000). *Dictionary of the language of Russian folklore: vocabulary of epic texts*. Issue 1. Kursk, 0. 112 p.
- Bobunova M.A., Khrolenko A.T. (2003). Methodology of identification of "folklore dialects": *Dictionary of the folklore language about idiolect and dialect differentiation of epic vocabulary, Local traditions in the folk culture of the Russian North*. Petrozavodsk. pp. 288-290.
- Vezhbitskaya , A. (2001). *Understanding cultures through keywords*. M.: Languages of Slavic culture, 288 p.
- Jwair, A.O. Syntagmatics of numerals in the Onega Epic. Translation and linguistics // *Association of Iraqi Translators*. pp. 211-227.
- Klimas, I.S. (1977). To study the experience gained by the language, *Alma mater: Bulletin of the higher school*. M., 2004. No. 2. pp. 50-56.
- Klimas , I.S. (1977). Cluster analysis in the aspect of lexicology problems, *Folklore lexicography*. Kursk, 2001. Issue 18. pp.18-23.
- Kolesov, V.V. (1977). *The world of man in the word of Ancient Russia*. L.: LSU Publishing House, 1986. 312 p.

- Kravtsov, N.I. (1977). Poetics of Russian folk lyrical songs. Ch. I. Composition. M.: Publishing House of Moscow State University, 1974. 96 p.
- Onchukov, N. (1904). Epic poetry on the Pechora, Pechora epics recorded by N. Onchukov. SPb., p. I-XXXV.
- Ossovetsky, I.A. (1977). About the language of Russian traditional folklore // Questions of linguistics. 1975. No. 5. pp. 66-77.
- Ossovetsky, I.A. (1977). Russian Russian poetry language and traditional folklore, Linguistic processes of modern Russian fiction. Poetry. M., pp. 128-185.
- Righteous, S.P. (2010). On the territorial differentiation of oral and poetic speech (from the history of the study of folklore dialects), Izvestiya RAS. A series of literature and language. No. 3. Vol. 69. pp. 30-36.
- Putilov, B.N. (2003). Folklore and folk culture; In memoriam. St. Petersburg: St. Petersburg Oriental Studies. 464 p .
- Hrolenko, A.T. (2010). Introduction to linguofolcloristics: textbook. M.: Flint: Science. 192 p .
- Hrolenko, A.T. (1981). Poetic phraseology of the Russian folk lyrical song. Voronezh: VSU Publishing House, 163 p.
- Hrolenko, A.T. (1994). Dictionary of the language of Russian folklore as a tool for identifying "folklore dialects", Problems of regional lexicology, phraseology and lexicography. Orel, 1. pp. 114-115.
- Khrolenko , A.T. (1974).What is linguofolcloristics?, Russian speech. No. 1. pp. 36-41.

الوسائل والتوجهات الواحدة في دراسة لغة الفولكلور الروسية

¹عمار عوده جوير، ²إيرينا سيرغييفنا كليماس، ³سيرغي بافلوفيتش برافيدنيكوف
¹جامعة بغداد / كلية اللغات / قسم اللغة الروسية
^{2,3}جامعة كورسك الحكومية

الملخص

يعد الفولكلور مجالاً فريداً لوجود اللغة، وهو التعبير الأكثر حيوية عن العقليّة الوطنية. جسدت كلمة الفولكلور تصور وتقييم العالم المحيط. "ماذا تعني الكلمة بشكل عام لحياة الناس؟ الكلمة تعادل ... الحياة نفسها. الكلمة هي التي أدت إلى الحياة وشرحها، لقد كانت ... حارس الذاكرة وضمانة المستقبل اللامتناهي. يُدرّس النصّ الفولكلوري من قبل النقاد الأدبيين وعلماء

الإثنوغرافيا والمؤرخين وعلماء الثقافات ومؤرخي الفن. في القرن العشرين، ظهر علم جديد - علم اللغة الفولكلورية، الذي حدد أهدافه وغاياته العالم أ. ت. خرولينكو في سبعينيات القرن المنصرم. تم تحليل بعض الكلمات التي تعد الأكثر استخداما وتكرارا في النصوص الفولكلورية بين الكلمات الأخرى مثل "الصديق". وتم إثبات ان بعض المفردات تنتشر في منطقة دون أخرى، تبعا للبيئة الجغرافية والمناخية.

الكلمات المفتاحية: الفولكلور، اللغويات الشعبية (linguo-folkloristics)، الملحمة، القصائد الغنائية الشعبية.